

Романы Алисы Клевер
освежают чувства и дают верные
ориентиры в жизни.

Читайте в серии:

Два месяца и три дня

Четыре стороны света и одна женщина

Пятнадцатый рай

АЛИСА КЛЕВЕР

— ДВА МЕСЯЦА И ТРИ ДНЯ —

роман

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К48

Художественное оформление серии *С. Груздева*

Клевер, Алиса.
К48 Два месяца и три дня : роман / Алиса Клевер. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Романы
Алисы Клевер).

ISBN 978-5-699-88672-2

Максим Коршунов, скандальный фотограф и единственный сын русского олигарха, проводит жизнь в исследовании наслаждения. Тело для Коршунова – единственный инструмент, с помощью которого измеряется вечность. Секс – единственное состояние, близкое к бессмертию. Максим отрицает стыд. Ибо только вне его можно пережить все оттенки удовольствия. Тело для Арины Крыловой – сосуд для души. Секс – высшая точка проявления любви. Стыд – та категория нравственности, которая оберегает девушку, провинциальную студентку, еле сводящую концы с концами, от разврата, пошлости и подлости. Между Максимом и Ариной нет ничего общего. Они из разных миров, но чувство, вспыхнувшее между ними, смекает различия и лишает способности принимать правильные решения.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88672-2

© Клевер А., текст, 2016
© Оформление ООО «Издательство «Э», 2016

Как может что-то настолько
ужасное порождать такие прекрас-
ные чувства?

Я становлюсь человеком, только
когда меня сжимают в объятиях.

Дон Жуан

Sweet dreams are made of this,
Who am I to disagree?

«Eurythmics»

1

Утром Максим поймал себя на одном желании — чтобы Кларисса ушла и он остался один. Это удивило его и огорчило. Кларисса ему нравилась, а их эскапада-экспромт доставляла удовольствие им обоим. Вот и сейчас, глядя на нее спящую — обнаженную, вольготно и бесстыдно раскинувшуюся по широкой кровати, — он восхищался красотой ее длинного, гибкого, холеного тела.

Но не настолько, чтобы ему захотелось быть с нею, когда она проснется.

Одиночества Максим не боялся. Он любил его. Не так это и страшно — лежать на залитом солнцем полу и ничего не чувствовать. Дышать, слушать музыку и ждать, что будет дальше.

Он перевернулся на живот. В панорамном окне перед ним двигались большие красные точки — автобусы даббл-декеры — и черные точки поменьше — такси. Улицы лондонского Сити заполнили эти смешные букашки — то останавливаясь, то ускоряясь, и не было в этом ни логики, ни смысла, но была какая-то гипнотическая красота, на которую можно было смотреть часами.

Алиса Клевер

Самолет в Москву поздно вечером, подумал Максим. Впереди целый день.

Жаль все же. Кларисса прошептала ему вчера, перед тем как заснуть, что ничего не ждет от него, но Максиму было отлично известно: говоря так, женщины имеют в виду совсем обратное. Даже самые из них раскрепощенные.

— Привет, красавчик. Давно проснулся? — Максим оглянулся на голос, чуть хриплый, насмешливый.

— Трудно сказать. А ты как спала? — спросил он ласково. Кларисса пожалала плечами и свесилась по поясу с кровати.

— Тебе там не жестко? — удивилась она, глядя на распростертого возле окна Максима.

— Я люблю, когда жестко, — ответил тот, выразительно и с намеком. Глаза Клариссы загорелись огнем.

— М-м-м, я тоже люблю жестко, ты знаешь, — она изогнулась, как кошка, приподняв голые ягодички так, чтобы их было снизу видно Максиму, и улыбнулась обольстительной зазывной улыбкой. Максим облизнул губы, против воли уставившись на вызывающе упругий зад с манящей ложбинкой меж ягодич.

— А не боишься? — спросил он чуть севшим голосом. Кларисса расхохоталась, прыгнула с постели на источающий чистоту дорогой пол из теплого дерева и на четвереньках подобралась к Максиму.

— Это кому здесь нужно бояться? — Она улеглась на живот рядом с ним, подперев голову кулачками. — И что ты там разглядываешь?

— Да так, ничего... — Максим деловито придвинулся к ней, провел ладонью по ее спине, медленно, не торо-

Два месяца и три дня

пясь туда, куда влекло его больше всего. Задержавшись на ягодицах, его рука проникла глубже между ее ног, и он коснулся влагалища, подвел указательный палец к клитору — не сводя глаз с ее лица — и принялся мягкими движениями его массировать.

— Тебя... в галерее сегодня не ждут? — спросил он тихо и рассмеялся тому, каким затуманенным, из-под век, стал взгляд Клариссы. В ответ она простонала.

— Что-то не так? — притворно сдвинул брови Максим.

— Ох. — Он убрал руку, и Кларисса открыла глаза. В них кричало разочарование.

— Что? — улыбнулся он. — Ты знаешь, моя дорогая, я ведь почти не спал этой ночью...

— Издеваешься? — почти проскулила она.

— Я пил бурбон, изучал негативы, думал о возможной встрече с отцом... Немилосердно устал. — Максим не двигался, а лишь улыбался.

— Ах, значит, устал, бедняжка! — недовольно ворчнула Кларисса. Она встрепенулась, приподнялась и села, вытянув ноги и опершись спиной о стекло окна. Максим подтянулся к ней ближе и развел ее ноги в стороны, на всю возможную ширину.

— Изнемогаю, — усмехнулся он, с наслаждением рассматривая открывшуюся ему картину. Промежность у Клариссы была ухоженной, с тонкой полоской рыжих волос, с родинкой чуть выше клитора. Упругий загорелый живот, аккуратные груди с татуировкой возле плеча: маленькая волчица продолжала свой вечный бег в сторону ключицы, но никогда не достигала цели.

Алиса Клевер

— Мы будем трахаться или ты сначала решил довести меня до слез?! — вконец разозлилась Кларисса и попыталась было сдвинуть ноги, но Максим ей не дал.

— Такое утро! К чему спешить, — вкрадчиво промурлыкал он. — Если только тебя не ждут в галерее.

— К черту галерею! — кричит Кларисса, и тогда Максим встает на ноги, помогает ей подняться. Ее ноги дрожат от напряжения. Максим подхватывает ее под ягодицы и легко поднимает в воздух. Ее взгляд устремляется на него, она рассматривает его лицо, не отрываясь, скользит глазами по его высоким скулам, спутанным темным волосам, закрывающим его изменчивые серые глаза. Она любуется капельками пота, выступившими у него на лбу. Его движения становятся настойчивей, взгляд жестче. Он берет ее прямо там, стоя, прижав спиной к прозрачной стене. От мысли, что может случиться с ними, если крепкое стекло не выдержит, сердце Клариссы бьется еще чаще. Перед ее мысленным взором полет вниз, на лондонскую мостовую — полет двух сплетенных друг с другом тел. От резких, сильных ударов его члена она кричит.

— Лучше тебя нет, — шепчет она. — Знаешь, чего я хочу?

— Не представляю, — смеется Максим, уверенным движением проникая еще дальше в ее тело.

— Чтобы тебя было трое... — и тихий, переливчатый смех заполняет комнату.

После, сидя — опять на полу — у краешка мраморной ванны, Максим сообщил ей будничным голосом, что не планирует в ближайшее время возвращаться в Лондон.

Два месяца и три дня

— То есть? — не сразу дошло до Клариссы.

— То и есть, — пожал он плечами и потрогал рукой поверхность воды.

— Ты меня... выставляешь? — напряглась Кларисса, до этого комфортно лежавшая в пенной воде. Максим посмотрел на нее с удивлением.

— Чего нет, того нет. Если бы я хотел, чтобы ты ушла, я бы просто вызвал тебе такси.

Кларисса, схватив гель для душа, принялась лихорадочно им намыливаться, но, бросив в сердцах мочалку — несколько брызг попали ему на лицо, — возмущенно воскликнула:

— Ричард прав, женщинам надо держаться от тебя подальше. Он, кстати, считает, что ты портишь мне жизнь.

— Это тот редкий случай, когда твой занудный братец абсолютно прав, — согласился Максим, и Кларисса бессильно швырнула в него холмик пены.

— Ты не желаешь мне счастья!

— Это не так. Я не желаю счастья себе, — ответил он и подал ей большое пушистое полотенце. — Счастье — оно для тех, кто никогда не испытывал наслаждения. Между этими двумя богами идет вечная война, и первый одерживает верх, пока не появляется второй. И когда он выходит из-за угла, с оголенными плечами и распухшими от поцелуев губами, счастье откладывают в сторону, как раскрытую на середине книгу, чтобы дочитать потом, когда зарядит дождь и нечем будет заняться.

— Ты говоришь так, словно счастье и наслаждение — не одно и то же.

Алиса Клевер

— Это совершенно разные вещи. Разве ты сама не видишь? Ты удивляешь меня, — покачал он головой.

Кларисса помолчала, сосредоточенно разглядывая что-то невидимое на белоснежном кафеле безупречно чистой ванной комнаты.

— Однажды ты появишься в очередной раз на моем пороге, посреди ночи, с этим вот беззаботным видом, а я буду замужем, — усмехнулась она, заворачиваясь в полотенце. Максим склонился к ней и провел ладонью по ее лицу.

— Думаешь, это тебя остановит?

— Господи, какое счастье, что я тебя не люблю! — Гибким движением рук Кларисса сбросила полотенце и вернулась в гостевую комнату, где оставила вещи.

Максим не стал ее догонять. Пройдя на кухню — пустую, просторную — и включив кофеварку, он достал из холодильника молоко — Кларисса любила ванильный латте.

В мыслях он уже прошел в самолет, занял сиденье в первом ряду в салоне бизнес-класса и улетал в Москву — да что там в Москву, он улетал дальше, в вечно манящий и непредсказуемый мираж под названием «затрашный день».

2

Как известно, не бывает плохой погоды, а бывает неподходящая для этого дня одежда. Лучше всего это понимаешь, стоя посреди тротуара в тонком хлопковом, «под джинсу» платье без рукавов и с беспокойством наблю-

Два месяца и три дня

дая, как только что бескрайнее голубое небо внезапно и быстро покрывается стальными темными тучами и налетает холодный ветер. Будет гроза. Нужно было надеть другое платье, но все платья остались в шкафу, а шкаф — в комнате, где живет Нелли. А еще в комнате прямо сейчас — Сергей, один из любовников Нелли.

Один «из»... Арина напялила первое, что попало под руку, домашнее, по сути, платье — удобное, но слишком открытое и короткое, не доходит и до колен. Сидит мешком, но это скорей хорошо. Под балахоном не видно, какая она неуклюжая и угловатая. Выдают только торчащие острыми углами локти ее длинных рук.

Один «из». Арина не хотела об этом думать, она просто застыла посреди тротуара и обхватила руками плечи. Кеды, платье и рюкзачок — вот и все, с чем она выбежала из дома. Люди обходили ее, как вода обтекает камень в горной реке. Арина невольно возвращалась мысленно к купюрам, лежавшим в комнате на журнальном столе. Две пятитысячные купюры оранжевого цвета — ни с чем не спутаешь. Десять тысяч рублей за одну ночь с одним «из»? Значит, Нелли продается за деньги.

Вся зарплата Арины в ветеринарном центре, где она подрабатывала по ночам, состояла из пяти таких бумажек. Три — в аванс, две — в получку. В июне тридцать дней, и, значит, выходит по 833 рубля в сутки. Одну купюру приходится отдавать Нелли за квартиру или, скорее, за кухню, в которой жила Арина. Еще одна уходила на погашение кредита за учебу — поступить на бюджетное место девочке из Владимира не удалось. Хорошо хоть на платный взяли. Отец помог оформить кредит.

Алиса Клевер

Мать просто охала и ахала, поражаясь странной и неожиданной «упертости» дочери, которая во что бы то ни стало решила стать ветеринаром.

Еще одна купюра как минимум уходила на еду, как ни старалась Арина сократить этот расход до минимума. Старания ее, впрочем, были налицо — одни локти чего стоили, торчали, как у жертвы анорексии, а ведь между тем Арина ни минуточки в своей жизни не голодала по доброй воле. Напротив, за год жизни в столице Арина успела узнать, где и как можно поесть «на халыву». Кришнаиты частенько кормили бесплатно, если немного попеть их песни, была в Москве и парочка социальных столовых, но там было очень уж неприятно, ждать приходилось долго, да к тому же — среди бомжей, алкашей и других маргиналов. Постояв там однажды с учебником в руках — скромная чистенькая девушка с выбившимися из конского хвоста черными волосами, — она пришла к выводу, что так экономить на себе нельзя. Себе дороже. Уж лучше питаться овсянкой дома, чем таскаться по таким местам, тратя время и силы.

Оставшиеся две купюры Арина пыталась сохранять любой ценой, откладывая на черный день, который мог в ее случае наступить в любой момент. Но получалось это у нее плохо: то проездной заканчивался и приходилось инвестировать в «транспортную составляющую», то окончательно рвались кеды. Ходить по городу босой было как-то не принято.

Десять тысяч рублей за одну неполную ночь. Сергей приехал только под утро, пьяный, веселый, с бутыл-

Два месяца и три дня

кой вина в руке. Арина вспомнила — в последнее время Сергей «навещал» Нелли как минимум раз в неделю. А то и два. Арине пришлось подавить в себе порыв подсчитать путем умножения, сколько денег «вылежало» на журнальном столике в комнате Нелли.

— Что бы ты понимала! Он просто заботится обо мне.

— Хорошо, хорошо! — замотала головой Арина, лишь бы оборвать этот разговор.

— А тебя вообще никто не хочет, ты — как ёж, — вот что сказала Нелли.

Эти слова заставили ежа — Арину — буквально вылететь из квартиры в дурацком джинсовом платье мешком. Она не хотела это обсуждать. Не хотела знать, что именно Нелли думает обо всем этом, не хотела обогатиться какими-нибудь дополнительными подробностями интимной жизни Нелли. Для субботнего утра Арина и так знала больше, чем хотела бы знать. Она только не могла придумать, куда податься, чтобы как можно дольше не возвращаться в кухню на пятом этаже их съемной пятиэтажки. Ей бы только день простоять да ночь продержаться. Хотя бы день, потому что, конечно, рано или поздно все равно придется туда возвращаться.

— Я же не стою на Ленинградке в кожаной юбке, с кем ты меня сравниваешь, ты подумала?! Ты не смеешь меня осуждать!

Она и не осуждала. Поэтому и убежала, чтобы немного остыть, чтобы яркие вспышки погасли и воображение перестало рисовать острые, грубые картины из частной жизни Нелли Жарковой. Уйти пришлось, чтобы